

© 1995 г.

Т.А. АЙЗАТУЛИН, С.Г. КАРА-МУРЗА, И.А. ТУГАРИНОВ

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ЕВРОЦЕНТРИЗМА*

Авторы работают в Аналитическом центре по научной и промышленной политике Миннауки, Госкдмпрома и РАН. АЙЗАТУЛИН Тамерлан Афиятович — старший научный сотрудник. КАРА-МУРЗА Сергей Георгиевич — доктор химических наук, главный научный сотрудник. ТУГАРИНОВ Иван Алексеевич — кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник:

Идеологическим фоном перестройки и нынешней реформы в СССР (России) был евроцентризм. Эта «метаидеология» западного общества наиболее рельефно выражалась в тезисе о «возврате в нормальную цивилизацию», под которой понимались основные экономические, политические и социокультурные структуры Запада.

Вокруг этого тезиса и произошел раскол в советском обществе. Евроцентристская установка была представлена почти исключительно интеллигенцией и партийно-государственной элитой. В наименьшей степени ее разделяли сельские жители. Примечательно, что на вопрос «Достижения какой страны Вы считаете для нас наиболее

---

* Исследование проведено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований Российской Федерации.

ценными?» Японию назвали 51,5% респондентов всесоюзного опроса и лишь 4% респондентов — читателей «Литературной газеты» [1].

Кредо евроцентризма реформаторов выражено в манифесте «Иного не дано» Л. Баткиным: «"Запад" в конце XX в. — не географическое понятие и даже не понятие капитализма (хотя генетически, разумеется, связано именно с ним). Это всеобщее определение того хозяйственного, научно-технического и структурно-демократического уровня, без которого немислимо существование любого истинно современного, очищенного от архаики общества» [2, с. 175]. Нет смысла анализировать здесь структуру мифов евроцентризма, а тем более критиковать их. Это — не теория, а идеологическое построение, в основе которого лежит ряд иррациональных постулатов, идеалов, а о них спорить бесполезно.

Рационально можно обсуждать другое: что произойдет, если утопия евроцентризма действительно будет внедряться в практику в иных культурах, а тем более в масштабах человечества. В рамках двух видений мира и человека — экологического и антропологического — было сделано предупреждение о принципиальной невозможности этого проекта, из чего следует, что попытка его осуществления на практике не просто обречена на неудачу, но и неминуемо приведет к массовым страданиям.

Жесткость рамок евроцентризма, в которые была втиснута социальная философия перестройки и реформы, усугубилась тем, что выразителями этой идеологии стали социальные группы, в которых рациональность и «научный» тип мышления приобрели статус высшего, не контролируемого иными ценностями авторитета. В упоминавшейся книге подчеркнута: «Носителями радикально-перестроечных идей, ведущих к установлению рыночных отношений, являются по преимуществу представители молодой технической и инженерно-экономической интеллигенции, студенты, молодые работники аппарата и работники науки и культуры» [1]. Утверждение, что мир прост, измерим и подчиняется выражаемому на языке математики естественным законам означает десакрализацию, устранение ценностных, иррациональных компонент не только из картины Природы, но и общества и человека. По выражению К. Лоренца, Запад — это «цивилизация, которая знает цену всего, но не знает ценности ничего» (как сказал философ, «то, что имеет цену, не может иметь святости»).

Заметим, что тенденция к рационализации ценностных аспектов человеческой жизни беспокоила и русских философов. Н.А. Бердяев видел в этом признаки глубокого кризиса сознания. «Никогда еще не было, такого желания сделать философию до конца научной, — пишет он в 1914 г. — Ныне и идеализм, который прежде был метафизическим, стал наукообразным или мнит себя таким... Так создано для науки объект по существу ненаучный и сверхнаучный, а ценности исследуют методом, которому они неподсудны. Научно ценность не только нельзя исследовать, но нельзя и уловить» [3, с. 275].

В условиях модернизационного кризиса в России эта нигилистическая догма исповедуется со страстью фундаментализма. Один из видных духовных лидеров либеральной интеллигенции Н. Амосов пишет даже: «Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо». Здесь мы рассмотрим проблему переноса сциентистских концепций в модель человека, на которой базируются социология и родственные ей дисциплины. Эта модель («Что есть человек?») играет исключительно важную роль в легитимации социального, экономического и политического порядка.

Как пишет директор бывшего ИМЭЛ М. Горшков, «единственный ориентир, которым должен руководствоваться независимый гуманитарий — это рационалистичность мышления, абсолютная научная объективность в анализе исследуемых им процессов и явлений» [4]. Таким образом, декларированная в европейском рационализме Нового времени автономия естественной науки от этических ценностей либералами России конца XX в. переносится на гуманитарное знание.

Не менее важное идеологическое значение, чем механическая картина мира, имели атомистические представления о строении материи. Можно даже сказать, что эти представления, находившиеся в «дремлющем» состоянии в тени интеллектуальной истории, были выведены на авансцену именно идеологами — прежде всего в лице философа XVII в. Пьера Гассенди, «великого реставратора атомизма».

Возрождение атомизма объясняется, помимо его явной необходимости для создания целостной механистической картины мира, культурно-идеологическими потребностями, тенденцией к «атомизации» общества в XVII—XVIII вв. (слово индивид является переводом на латинский язык греческого слова атом, что значит «неделимый»). П.П. Гайденко пишет: «Разрушается феодальная общественная структура, индивид освобождается от ранее определявших его образ жизни связей и ограничений. Происходит отделение производителя от средств производства, расширяются рыночные отношения. На первое место все больше выступает частный капитал, т.е. индивид ведет себя как отдельный атом, и из хаотического движения атомов складывается равнодействующая тенденция развития общества» [5, с. 17].

Сосуществование индивидов в обществе определяется фундаментальным условием — их исходным равенством. Но это равенство кардинально отлично от того, которое декларировано в христианской религии: «Равными являются те, кто в состоянии нанести друг другу одинаковый ущерб во взаимной борьбе». Равенство людей «атомов» предполагает как идеал не любовь и солидарность, а непрерывную войну, причем войну всех против всех: «Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются, гораздо успешнее подавляя других, чем объединяясь с ними».

Восприняв присущий либеральной модели общества механистический рационализм науки Нового времени, социальная философия заключила связанную с ней социологию в жесткие рамки детерминизма. Дольше этот методологический принцип остается стержнем (иногда стыдливо скрываемым) мышления ученого и подражающего ему исследователя-обществоведа. Остается в силе символ веры Томаса Хаксли: «Фундаментальная аксиома научного мышления состоит в том, что не существует, не существовало и никогда не будет существовать никакого беспорядка в природе. Принять возможность любого явления, которое не было бы логическим следствием непосредственно предшествующих ему явлений в соответствии с определенными правилами (открытыми или еще неизвестными), которые мы называем "законами природы", означало бы для науки совершить акт самоуничтожения» [6, р. 114].

Тот факт, что огромные массы людей через школы и средства массовой информации продолжают обрабатываться идеологиями, проникнутыми идеей детерминизма и классической научной рациональностью, в условиях нынешнего кризиса накладывает на все научное сообщество большую моральную ответственность — ведь в самой науке эти основания подвергаются пересмотру. Таким образом, авторитетом науки фактически освящается идеология, уже противоречащая тому, что знают сами ученые. Сегодня в России возникла парадоксальная ситуация: ученые, принимающие активное участие в идеологическом процессе, под давлением социальных и политических предпочтений вынуждены действовать как сила антинаучная.

Таким образом, видение общества как мира «атомов» вытекает из той научной рациональности, в основе которой лежит детерминизм — движение атомизированного «человеческого материала» поддается в научной социологии такому же точному описанию и прогнозированию, как движение атомов идеального газа в классической термодинамике. Солидарные же общественные структуры, в которых идут нелинейные и «иррациональные» процессы самоорганизации, во многом непредсказуемы. Об этом красноречиво и трагично говорит история.

В России, в том числе за последние 75 лет, атомизации не произошло. Человек продолжает ощущать себя частью солидарных структур того или иного типа — трудового коллектива, колхоза и т.п. И важнейшей для большинства населения России категорией (отвергаемой в либеральной социальной философии) является народ.

Восприятие народа как единого тела сформулировано евразийцем Л. Карсавиным: «Можно говорить о теле народа... Мой биологический организм — это конкретный процесс, конкретное мое общение с другими организмами и с природой... Таким же организмом (только сверхиндивидуальным) является и живущий в этом крае народ. Он обладает своим телом, а значит всеми телами соотечественников, которые некоторым образом биологически общаются друг с другом».

Заметим, впрочем, что до российской «образованной публики» извинения научного сообщества в детерминизме не дошли, и никаких сомнений в легитимации нашего нового социального порядка она не испытывает. Стремясь войти в европейскую цивилизацию, наша научно-техническая интеллигенция упорно не желает видеть глубоких сдвигов в самих культурных основаниях этой цивилизации, рискуя, таким образом, снова выпасть из желанного цивилизационного процесса.

В России механистическая антропологическая модель внедряется в общественную науку и общественное сознание с совершенно иными социокультурными параметрами. Эта модель прикладывается у нас не к современному, а традиционному обществу с деформированными, но очень сильными общинными отношениями. Это делает принципиально неадекватной методологию социальных исследований. Тем не менее, никаких попыток учесть особенности материала, ввести в модели ограничения и критерии, связанные с наличием сильных ценностных факторов, не делается.

Об этой особенности либерального мышления писал К. Лоренц в 1966 г. в статье «Филогенетическая и культурная ритуализация»: «Молодой "либерал", достаточно поднаторевший в научно-критическом мышлении, обычно не имеет никакого представления об органических законах обыденной жизни, выработанных в ходе естественного развития. Он даже не подозревает о том, к каким разрушительным последствиям может повести произвольная модификация норм, даже если она затрагивает кажущуюся второстепенной деталь. Этому молодому человеку не придет в голову выбросить какую-либо деталь из технической системы, автомобиля или телевизора, только потому что он не знает ее назначения. Но он выносит беспечный приговор традиционным нормам социального поведения как пережиткам — нормам как действительно устаревшим, так и жизненно необходимым. Покуда возникшие филогенетически нормы социального поведения заложены в нашем наследственном аппарате и существуют, во благо ли или во зло, подавление традиции может привести к тому, что все культурные нормы социального поведения могут угаснуть, как пламя свечи» [7, p. 164].

Опыт показал, что без традиций и «иррациональных» норм, запретов и ритуалов, может существовать, да и то с периодическими болезненными припадками (вроде фашизма), лишь упрощенное, механистическое общество атомизированных индивидов. Сложные поликультурные, а тем более полиэтнические общества устойчивы до тех пор, пока не позволяют навязать им «прогрессивные» западные нормы. Вот красноречивая иллюстрация, которую приводит израильский политолог Ярон Эзраи: «Любопытный пример политического табу в области демографической статистики представляет Ливан, политическая система которого основана на деликатном равновесии между христианским и мусульманским населением. Здесь в течение десятилетий откладывалось проведение переписи населения, поскольку обнародование с научной достоверностью образа социальной реальности, несовместимого с фикцией равновесия между религиозными сектами, могло бы иметь разрушительные последствия для политической системы» [8, p. 211].

В столкновении с культурными структурами традиционного общества, которые ограничивают приложение рационализма к человеку этическими нормами и ценностными запретами, неадекватность механистической модели «атомизированного человека» проявляется особенно рельефно. Настойчивость в ее применении как евроцентристской догмы может быть объяснена лишь идеологическим давлением. С развитием эволюционного учения антропологическая модель современного общества была дополнена биологическими понятиями. Радикальная сциентизация об-

щественной науки наблюдается сегодня и в России в связи с либеральной реформой. «Постулат» о доминировании и неравенстве в человеческом обществе как «естественном» законе природы — это чисто идеологический вывод, противоречащий выводам современной антропологии. Эти выводы Э. Фромм резюмирует так: «Социальные отношения в примитивных обществах показывают, что человек не является генетически подготовленным к этой психологии доминирования и подчинения. Анализ исторического общества, с его пятью-шестью тысячами лет эксплуатации большинства господствующим меньшинством, демонстрирует с полной очевидностью, что психология доминирования и подчинения является следствием адаптации к социальному порядку, а вовсе не его причиной. Для апологетов социального порядка, основанного на власти элиты, разумеется, очень удобно верить, будто социальная структура есть результат врожденной необходимости человека, а потому является естественной и неизбежной. Уравнительное общество примитивных групп показывает, что это не так» [9, p. 151]. Антрополог М. Сахлинс пишет: «С XVII в., похоже, мы попали в этот заколдованный круг, поочередно прилагая модель капиталистического общества к животному миру, а затем используя образ этого «буржуазного» животного мира для объяснения человеческого общества... Похоже, что мы не можем вырваться из этого вечного движения взад-вперед между окультуриванием природы и натурализацией культуры, которое подавляет нашу способность понять как общество, так и органический мир. В целом эти колебания отражают, насколько современная наука, культура и жизнь пронизаны господствующей идеологией собственнического индивидуализма» [10, p. 123, 132].

Эта антропологическая модель, которой легитимируется конкуренция в рыночной экономике, развивалась и развивается донныне множеством философов. В конце прошлого века Ф. Ницше, оказавший большое влияние на радикальную интеллигенцию, писал в книге «По ту сторону добра и зла»: «Сама жизнь по существу своему есть присваивание, нанесение вреда, преодоление чуждого и более слабого, угнетение, суровость, насильственное навязывание собственных форм, аннексия и по меньшей мере, по мягкой мере, эксплуатация, — но зачем же постоянно употреблять именно такие слова, на которые клевета наложила издревле свою печать?» [11, с. 380].

Сегодня всплеск крайнего нищезанства наблюдается в общественных науках в России. Н.М. Амосов пишет в статье «Мое мировоззрение»: «Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство людской популяции. За личность и свободу — ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых». «Перенос» биологических понятий в общественные науки?! Нет! Это — типичный процесс формирования идеологии с ее легитимацией через естественные науки. М. Сахлинс пишет: «Очевидно, что гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Современная социальная практика такова, что история Сотворения мира бледнеет при сравнении с этим мифом. Однако также очевидно, что в этом сравнении и, на деле, в сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы — единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов... Судя по социальной практике, это вполне может рассматриваться как непредвзятое признание различий, которые существуют между нами и остальным человечеством».

Редукционистская модель человека-атома, движение которого подчиняется «естественным законам» сохраняется в социологии и сегодня.

Миф об индивиде, ведущем «войну всех против всех», будучи внедрен в общественное сознание и социальный порядок, влияет на формирование человека современного общества, в большой степени определяет его ценностные установки.

А. Тойнби подчеркивает: «Идолатрия самодовлеющего человеческого индивида приводит к репрессированию Со-Страдания и Любви к страждущему — этих естественных для Человека как общественного животного черт».

Мифотворчество с помощью науки всегда означает «подпольное» включение в модель ценностных компонентов, выявление которых и позволяет отличать научное знание от идеологии.

Эта "биологизированная" модель человека была призвана не только легитимировать социальную катастрофу, но и предлагать чудовищные по своему смыслу проекты социальной инженерии. Так, Н. Амосов с 1989 г. обосновывал необходимость, в целях «научного» управления обществом в СССР, «крупномасштабного психосоциологического изучения граждан, принадлежащих к разным социальным группам» с целью распределения их на два классических типа: «сильных» и «слабых». Он пишет: «Неравенство является сильным стимулом прогресса, но в то же время служит источником недовольства слабых... Лидерство, жадность, немного соперничества и любопытства при значительной воспитуемости — вот естество человека» [12].

По сути, при полном равнодушии (можно даже сказать, с одобрения) научного сообщества в обществоведение в России были введены идеи об избыточности населения и необходимости «выбраковки» человеческого материала.

Основным объектом атаки энтузиастов «радикального воздействия на природу человека» является идея равенства, которое представляется непримиримым антиподом свободы. Следуя положению английского неолиберала Р. Скрутона, что «недовольство усмиряется не равенством, а приданием законной силы неравенству» (см. [13]), для разрушения уравнительного идеала в общественном сознании широко применяется «биологическая» аргументация. Доказывается, что в результате революций, войн и репрессий произошло генетическое вырождение большинства населения СССР, и оно в ницшеанской классификации уже не поднимается выше категории «человек биологический». Социолог В. Шубкин дает такие определения: человек биологический — «существо, озабоченное удовлетворением своих потребностей... речь идет о еде, одежде, жилище, воспроизводстве своего рода»; человек социальный — «в социологии его нередко определяют как "внешне ориентированную" личность в отличие от личности "внутренне ориентированной"... он "непрерывно, словно четки, перебирает варианты: это выгодно, это не выгодно... Если такой тип не нарушает какие-то нормы, то лишь потому, что боится наказания. Он как бы в вечном жестоком противоборстве с обществом, с теми или иными социальными институтами», у него «как видно, нет внутренних ограничений, можно сказать, что он лишен совести»; человек духовный — «это, если говорить кратко, постарому, человек с совестью. Иначе говоря, со способностью различать добро и зло» [14]. Каково же, по выражению В. Шубкина, «качество населяющей нашу страну популяции»? Это качество, по его мнению, удручающе низко в результате организованной в стране «генетической катастрофы»: «По существу: был ликвидирован человек социальный, поскольку любая самодетельная общественная жизнь была запрещена... Человек перестал быть даже "общественным животным". Большинство людей было обречено на чисто биологическое существование... Человек биологический стал главным героем этого времени» [14, с. 174—175]. Идеологическое содержание подобного рода выступлений вполне ясно и представляется необходимым для оправдания тех катастрофических социальных последствий, с которыми сопряжен радикальный проект перехода к рыночной экономике. Мы не затрагиваем этот идеологический аспект по существу — нам здесь важно лишь то, что мифический тезис о генетическом вырождении советского народа, легитимирующий его экспроприацию и обращение с ним как популяцией сугубо биологических существ, прикрывается авторитетом науки.

Перенесенная в социальную философию и социологию идеологическая версия эволюционного учения — социал-дарвинизм — использовалась не только для легитимации конкуренции и уничтожения «слабых», но и для квалификации целых обществ

и культур как отсталых и неправильных. Социал-дарвинизм стал ключевым мифом евроцентризма.

Вспомним, что при восприятии дарвинизма в русской науке и культуре произошло его очищение от мальтузианской компоненты, что является заслуживающим самого пристального внимания феноменом социодинамики культуры. В своих комментариях русские ученые предупреждали, что это английская теория, которая вдохновляется политэкономическими концепциями либеральной буржуазии. Произошла адаптация дарвинизма к русской культурной среде («Дарвин без Мальтуса»), так что концепция межвидовой борьбы за существование была дополнена теорией межвидовой взаимопомощи.

Включив биологизаторские представления социал-дарвинизма в социологию культуры и социологию развития российского (советского) общества, наши обществоведы перешли на позиции самого вульгарного евроцентризма, заявляющего о том, что череда пройденных Западом общественно-экономических формаций является единственно правильной («столбовая дорога цивилизации»). Это — отказ от науки в пользу идеологии. Причем идеологии, по сути своей техноморфной, антиэкологичной, отрицающей разнообразие культур. Идеологии, утратившей связь с современной научной картиной мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Левада Ю.* Есть мнение. М.: Прогресс, 1991.
2. *Баткин Л.* Возобновление истории // Иного не дано. М., 1988.
3. *Бердяев Н.* Смысл творчества. М., 1989.
4. *Горшков М.* Независимая газ. 1992. 19 марта.
5. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. М.: Наука, 1986.
6. *Easlea B.* La liberación social y los objetivos de la ciencia. Madrid: Siglo XXI Eds., 1987.
1. *Lorenz K.* La acción de la Naturaleza y el destino del hombre. Madrid: Alianza, 1988.
8. *Ezrahi Y.* Los recursos políticos de la ciencia // Estudios sobre sociología de la ciencia. Madrid: Alianza, 1980. P. 206—224.
9. *Fromm E.* Anatomía de la destrictividad humana. Madrid: Siglo XXI de la España Editores, 1987.
10. *Sahlins M.* Uso y abuso de la biología. Madrid: Siglo XXI Ed., 1990.
11. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // *Фридрих Ницше.* Сочинения. М.: Мысль, 1990. Т. 2.
12. *Амосов Н.* Реальности, идеалы и модели // Лит. газ. 1988. 6 окт.
13. *Галкин А.А., Рохимир П.Ю.* Консерватизм в прошлом и настоящем. М: Наука, 1987.
14. *Шубкин В.* Трудное прощание // Новый мир. 1989. № 4.